КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го сентября. № 18. 1866 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

КЪ ВОСПИТАННИКАМЪ, ПРИ ПОГРЕБЕНІИ И. Д. ДИРЕКТОРА КІЕВ. ВЛАД. ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ, ПОЛКОВНИКА, СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СЛУЦКАГО *).

Во имя Отца и Сына и святаго Духа.

И такъ вотъ этотъ гробъ, который уноситъ, или лучше унесъ уже съ собою отъ васъ на всегда вашего дорогого начальника. Какая неожиданность, какая потеря непредвидѣнная, какая болѣзнь неумолимая! Еще такъ недавно вы окружали его цѣлыми толпами, смотрѣли въ глаза ему, ловили слова его. И онъ еще такъ недавно проводилъ время съ вами, бесѣдовалъ, ласкалъ васъ всѣхъ и по одиночкѣ, предпринималъ небольшія путешествія то туда, то въ другое мѣсто, чтобы удобнѣе отдаться вамъ, и чтобы безпрепятственнѣй передать вамъ свою мысль,

*) Сказ. наст. наблюдателемъ гимназіи свящ. А. Колосовымъ.

свои сужденія, свѣдѣнія и любовь къ природѣ, которой нельзя узнать, не выходя изъ жилищъ. Все это было такъ недавно. Не всѣ вы имѣли удовольствіе провести съ нимъ послѣдніе три мѣсяца. Думаю однако, что и тѣ, которые были у родителей, не разъ вспоминали тамъ о добромъ начальникѣ, пересказывали другимъ опыты доброты его, и, возращаясь въ заведеніе, летѣли мыслію впередъ, спѣша скорѣй послѣ долгой разлуки увидѣть того, который не меньше, а чуть-ли не больше даже многихъ родителей, любилъ васъ, жалѣлъ, ласкалъ берегъ. И вотъ вы прибыли какъ будто для того только чтобы похоронить его. Какая потеря для васъ, непредвидѣнная и тяжелая.

Припомните жъ теперь хотя еще разъ, при гробѣ своего дорогого начальника, о его какомъ-то особенномъ, рѣдкомъ, задушевномъ влеченіи къ вамъ, дѣти, о его неустанномъ желаніи принадлежатъ вамъ и быть только съ вами, о его неугомонной, если можно такъ выразиться, хлопотливости—доставить вамъ не только нужное, а и пріятное, о его изумительномъ безкорыстіи, по которому онъ не только не желалъ чѣмъ либо чужимъ воспользоваться для себя или семейства своего, а напротивъ, какъ всѣмъ извѣстно, свое мѣшалъ съ несвоимъ, для того, чтобы имѣть въ виду одни ваши выгоды и удобства. Онъ имѣлъ семью; да,—теперь онъ оставилъ ее, безпомощную, осиротѣлую. Неслышно около гроба громкаго плача шести сиротокъ потому только, что немногіе изъ нихъ успѣли дорости до того, чтобъ могли сознать, какое великое горе нынѣ постигло ихъ. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ то то, то другое дитя, можетъ быть, спроситъ свою скорбную мать объ отцѣ своемъ; отвѣтъ дастся каждый разъ въ печальной слезѣ матери. Будучи

отцомъ немалочисленнаго семейства, можно бы, казалось, хотя отъ времени до времени сосредоточиваться на своихъ малюткахъ. Нѣтъ, этимъ малюткамъ развѣ изрѣдка приходилось ловить ласку отца. Весь онъ сосредоточенъ былъ на васъ, дѣти. Онъ былъ съ вами дни, и заря часто заставала его за думою, какъ бы устроить что для вашего удобства или удовольствія. Все что касалось васъ, ваша пища, одежда, ваши занятія, ваше поведеніе, проступки, все это не оставляло его мысли ни на минуту, и не давало ему покоя. Увы, многіе изъ этихъ проступковъ были такого свойства, что заставляли его страдать, и страдать также сильно, какъ сильно онъ любилъ и берегъ васъ. Трудамъ слѣдовало бы облегчаться удовольствіями, которыя образованный человѣкъ можетъ находить всегда въ обществѣ добрыхъ знакомыхъ. Сергѣй Александровичъ, по видимому, предпочелъ отказаться отъ всякаго общества, чтобы быть только съ вами, дѣти, заботиться о васъ, устроять ваше воспитаніе, подготовлять счастіе ваше. Въ послѣднее время, казалось, онъ даже тяготился начальственною стороною своей должности, и считалъ свое счастіе устроеннымъ, если бы судьба какъ нибудь навела его на скромную дорогу воспитателя, имѣющаго небольшую школу, и свободно, безъ помѣхъ, развивающаго дѣтскій умъ и чувство. Это значитъ, что въ душѣ его таилась какая то особенно-глубокая симпатія къ дѣтямъ, силою которой она неудержимо тянулась къ нимъ. Ей мало было той близости къ вашему возрасту, какая существовала на дѣлѣ; ей хотѣлось чего-то еще больше въ этомъ отношеніи, хотѣлось стать еще ближе къ вамъ. И вотъ, когда душа его мечтала о томъ какъ бы еще ближе стать къ вамъ, дѣти, онъ вдругъ и неожиданно сталъ теперь отъ васъ такъ далеко! И ничто не пробудитъ вамъ его; и ничто не возвратитъ его вамъ!

Между вами естъ много прибывшихъ вновь, которые не имѣли счастія быть предметомъ его любви къ дѣтямъ и заботливости о нихъ. Пусть они пожалѣютъ о томъ, что имъ неудалось имѣть надъ собою и среди себя такого добраго не говорю начальника, а отца. А тѣ, которые испытали на себѣ въ продолженіи года ласки, заботливостъ и доброту почившаго—пожалѣйте о томъ, что въ немъ вы потеряли отца, которому вы были дѣтьми далеко не такъ, какъ бываютъ дѣти чужіе.

Скоро услышатся послѣднія погребальныя пѣсни и молитвы церкви объ усопшемъ. Соединитежъ съ ними и вы свои горячія моленія о немъ. Ему теперь уже ничего отъ васъ не нужно, кромѣ этихъ моленій, и ничто такъ не нужно ему, какъ онѣ. Страна, въ которую вступила теперь душа почившаго, какъ говоритъ одна изъ погребальныхъ церковныхъ пѣсней, страна та—*незнаемая, гдѣ мракъ*, гдѣ страхъ. Страшно и тяжело ей на первый разъ въ этомъ новомъ для ней мірѣ. Чѣмъ облегчить это тяжелое состояніе, чѣмъ пособить тоскѣ этого необычнаго и страхъ наводящаго одиночества? Ничѣмъ другимъ, какъ приношеніемъ безкровной жертвы, въ которой повторяется жертва, принесенная Господомъ за насъ на Голгоѳѣ, и за тѣмъ нашею молитвою къ Богу о почившемъ. Молитва есть связь живыхъ съ умершими. Когда всѣ связи порваны, остается молитва, какъ духовное общеніе душъ, котораго не могутъ порвать ни какія условія міра вещественнаго. Возшлемъ же къ Господу Богу теплыя молитвы о почившемъ, и тѣмъ облегчимъ душу его. При нашихъ молитвахъ она не будетъ чувствовать себя одинокой и въ томъ незнаемомъ мірѣ; она будетъ какъ бы окружена и тамъ нашими душами, согрѣта нашимъ чувствомъ и любовію. Нѣкоторымъ изъ васъ, можетъ быть, еще помнит-

ся, что почившій въ послѣднее время какъ-то особенно безпокоился о томъ, что не видѣлъ у васъ въ обычаѣ поминать умершихъ родителей и родственниковъ. Какъ будто ему предчувствовалось, что онъ самъ скоро будетъ имѣть нужду въ поминовеніи, и какъ будто боялся онъ, что душа его въ случаѣ смертномъ можетъ остаться безъ молитвъ къ Богу съ вашей стороны. Не обманемъ надеждъ, которыя она теперь возлагаетъ на насъ. Теплѣе помолимся къ Господу объ усопшемъ, чтобы Господь принялъ его милостиво, и простилъ вольныя и невольныя грѣхи его—за то добро, которое онъ дѣлалъ для васъ, и котораго такъ много еще онъ хотѣлъ сдѣлать. Аминь.

СВЯЩЕННИКЪ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ, ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ.

Вопросъ о духовенствѣ, въ настоящее время—вопросъ животрепещущій; съ нимъ весьма часто можно встрѣтиться въ нашей періодической литературѣ, а еще чаще—при устныхъ обсужденіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ, по иниціативѣ нашего попечительнаго правительства, началась дѣятельная разработка мѣръ, касающихся матеріальнаго быта духовенства и его учебныхъ заведеній.

Считаемъ нравственной обязанностью и съ своей стороны представить нѣкоторыя данныя къ уясненію этого вопроса, исходя изъ положенія Священника, въ той общественной средѣ, которая признаетъ за собой право передового представительства мысли. Касаться народнаго отношенія къ этому вопросу былобы излишне потому, что нашъ простой народъ, какъ извѣстно, въ непосредственныхъ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ не обнаруживаетъ въ настоящемъ случаѣ ни какихъ особенныхъ явленій, выработанныхъ тѣмъ или другимъ случайнымъ воззрѣніемъ, вопреки религіозно-нравственному преданію.

Безъ сомнѣнія, ни для кого не будетъ новостію, если мы скажемъ, что значеніе православнаго священни-

ка въ глазахъ многихъ не пользуется серьозной оцѣнкой. Съ священникомъ какъ-то неуживаются,—какъ съ близкимъ своимъ человѣкомъ. На него смотрятъ недовѣрчиво, не только тѣ уже слишкомъ мыслящія люди, которые въ самомъ призваніи его видятъ не состоятельность, но даже люди солидные какъ-то нехотя сближаются съ нимъ, ограничиваясь больше только сухими офиціальными сношеніями. Такому взгляду есть же конечно причины. Всѣ сужденія въ такомъ случаѣ обыкновенно сводятся къ той мысли, что настоящее положеніе священника оказывается ниже уровня и въ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями современнаго общественнаго развитія.

„Что это, говорятъ, за костюмъ такой у нашихъ священниковъ и его неизмѣнность? Длинные волосы, широкія полы... не видно тутъ ни практическаго, ни народнаго смысла; въ значеніи историко-религіознаго памятника древности, ему быть бы еще въ церкви, какъ это и принято за границей. А какъ онъ идетъ причетникамъ? длинные волосы всклокочены, длинныя полы болтаются грязныя и оборванныя"! Сколько ни маловажна подобная придирка, но съ ней приходится встрѣчаться весьма часто и прежде всего, при томъ—не ради одного лишь празднаго разглагольствія. Напрасно не подумаютъ, что костюмъ священника, оставаясь неизмѣннымъ въ своей солидной формѣ, запечатлѣнной вѣковымъ авторитетомъ и специальною обособленностію, обладаетъ не сомнѣннымъ достоинствомъ. Нельзя не согласиться, что онъ, безошибочно характеризуя сословное различіе, столь необходимое во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, предохраняетъ священника отъ суетныхъ, питающихъ чувственность, притязаній на чрезмѣрную заботу о внѣшнемъ украшеніи, выражающемся, какъ показываетъ опытъ,

въ формахъ совершенно прихотливыхъ и случайныхъ, доходящихъ нерѣдко до нарушенія въ человѣкѣ чувства самоуваженія и здраваго приличія,—и помогаетъ ему непрерывно сосредоточиваться на положеніи, опредѣляемомъ непосредственною задачей его служенія. При извѣстной бѣдности духовнаго сословія, дѣйствительно, одежда его часто не отличается изяществомъ, особенно—въ причетническомъ классѣ, тѣмъ не менѣе неприкосновенность ея формы для священника глубоко живетъ въ сознаніи нашихъ народныхъ массъ, составляя одинъ изъ коренныхъ элементовъ религіознаго преданія.

Порицаютъ и духовное образованіе, видя въ немъ односторонность и недостаточность, какъ исключительныя, характеристическія черты духовно-учебныхъ учрежденій. Кому, однако, понятна въ точности особенность и важность цѣли духовно-учебныхъ заведеній—приготовленіе пастырей церкви, извѣстна ихъ программа, въ которой, хотя и отведено весьма значительное мѣсто для общеобразовательныхъ наукъ, но должна собственно преобладать богословская наука; тотъ долженъ признать въ нашихъ заведеніяхъ то, что въ тѣхъ или другихъ заведеніяхъ называется ихъ спеціальнымъ характеромъ. А такое свойство, по своей очевидной національности, никогда еще не вмѣнялось въ вину ни какому учебному заведенію, имѣющему въ виду преимущественно какую нибудь отрасль знаній. Отъ военно-учебнаго заведенія естественно требовать преобладанія военной науки; отъ техническаго и тому подобныхъ заведеній—особеннаго, спеціальнаго изученія наукъ техническихъ; почему же духовно-учебному заведенію не заботиться, по преимуществу, о тѣхъ научныхъ средствахъ, которыя развиваютъ духовную сторону человѣка?—Недостаточность духовнаго

образованія, разсматриваемая собственно по отношенію къ идеалу образованія, безспорно—дѣло, не подлежащее ни какому сомнѣнію, какъ и недостаточность всякаго другого образованія въ данное время, при измѣньющихся условіяхъ жизни, науки, духа времени и т. п. По этому-то и дѣятельность нашихъ университетовъ и гимназій тоже оказалась не вполнѣ соотвѣтственною требованіямъ современной жизни, почему и преподаны имъ недавно улучшающія средства. Тѣмъ труднѣе было возвыситься надъ этими требованіями духовно-учебнымъ заведеніямъ, положеніе которыхъ было обезпечено далеко не въ равной степени съ университетами и гимназіями.

При всемъ томъ, практическіе результаты духовнаго образованія весьма замѣтно сказываются своею многостороннею благотворностью. Въ области духовнаго образованія есть своя, обширная литература, которая, разработывая научные вопросы и уясняя нравственную задачу, стремится и съ своей стороны, не менѣе какой либо другой, къ надлежащему усовершенствованію современнаго поколѣнія. Не трудно замѣтить въ ней множество капитальныхъ произведеній, запечатлѣнныхъ серьознымъ, образовательнымъ характеромъ,—есть не малое количество и солидныхъ періодическихъ изданій. Изъ этой же сферы исходитъ и часть лучшаго представительства общественнаго. Кому не извѣстна вся высота общественнаго служенія нашихъ архипастырей, ревностно и неусыпно блюдущихъ временное и вѣчное благо ввѣренной имъ паствы? Можетъ ли также оставаться не замѣченнымъ благотворное значеніе нашихъ просвѣщеннѣйш ихъ дѣятелей, на различныхъ, высшихъ духовныхъ поприщахъ приносящихъ не сомнѣнную пользу наукѣ и жизни? Неужели,

наконецъ возможно забыть, сколько замѣчательнѣйшихъ дѣятелей дало и даетъ высшее, духовное образованіе и внѣ духовнаго поприща—на разныхъ государственныхъ должностяхъ.

Обращаясь собственно къ семинарскому образованію, нельзя не замѣтить, что и оно развиваетъ гражданина и пастыря, во всякомъ случаѣ, выше умственнаго уровня массъ. Періодическая литература успѣла ознакомить читающее общество со многими характеристическими особенностями семинарскаго типа. Подмѣчая въ немъ нѣкотсрые относительно не важные недостатки, обыкновенно обусловливаемые бытовою внѣшностью,—какъ то: замкнутость, обособленность, нѣкотораго рода неуклюжесть въ пріемахъ и т. п., она не отказывается однако признать въ воспитанникѣ духовно-учебнаго заведенія несомнѣнную умственную развитость, соединенную съ замѣчательной твердостью и энергіей воли. Чего же больше нужно, особенно при участіи нравственныхъ началъ, подъ живымъ вліяніемъ которыхъ совершается все его воспитаніе? По этому то и жизненный опытъ даетъ не мало указаній, что человѣкъ съ однимъ семинарскимъ воспитаніемъ, дѣйствуя и внѣ духовной сферы, не теряется въ толпѣ, но разумнымъ и настойчивымъ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу не рѣдко и такую, которая доступна только высшему образованію. Выступая же на прямое свое поприще пастырской дѣятельности, такой человѣкъ, какъ подготовленный къ нему жребіемъ рожденія и воспитанія, еще сильнѣе проникается сознаніемъ своего долга, еще болѣе одушевляется твердою рѣшимостью не отступать для него, ни предъ какими преградами; но здѣсь то и несравненно болѣе является для него трудностей. Служа вѣрно идеѣ своего призванія, онъ долженъ вести непрерывную борьбу съ вѣковыми заблужденіями ума и сердца, и по не-

волѣ иногда быть предметомъ противоборствующей интриги; съ другой стороны, его, въ то же время, въ личности, семействѣ, обстановкѣ, на каждомъ шагу, уязвляетъ нужда, давящая его нерѣдко въ самыхъ обыденныхъ, насущныхъ потребностяхъ. Подъ тяжестью такого давленія по неволѣ можетъ иногда пошатнуться и крѣпкая натура. Почему и опыты огрубѣнія и даже паденія, усматриваемые иногда въ средѣ священниковъ, не свидѣтельствуютъ ли прежде всего о безсиліи человѣческой природы, вообще способной падать при особенномъ осложненіи трудностей жизни? Можно ли ручаться, чтобы это безсиліе не обнаружилось, при подобныхъ обстоятельствахъ, и со всякимъ другимъ человѣкомъ изъ другой среды?

Впрочемъ въ общемъ православное священство дѣлаетъ все, чего требуетъ отъ него его званіе настолько, насколько только позволяютъ ему внѣшнія обстоятельства. На это можно указать всякому, и никто того основательно отрицать неможетъ...

Попущеніемъ Божіимъ, возникло и существуетъ у насъ вліяніе иновѣрія, инославія и матеріалистическаго взгляда;—священникъ, самъ твердо удерживаясь на почвѣ православія, своимъ примѣромъ и своими наставленіями письменными и устными не престаетъ охранять въ лонѣ этого святого и благотворнаго ученія и ввѣренный ему народъ. Вспыхнули въ нѣкоторой части общества богопротивныя, революціонныя попытки, проявившіяся въ вооруженномъ возстаніи и народныхъ смутахъ;—священникъ, самъ оставаясь истинно преданнымъ законному правительству, проводилъ и проводитъ эту вѣрность и безпредѣльную преданность и въ среду народа, запечатлѣвая, какъ показываютъ недавнія событія, силу ея, гдѣ

нужно, своими страданіями и даже смертью. Вводятся благотворныя, государственныя реформы; при этомъ нерѣдко встрѣчаются въ народѣ недоразумѣнія по примѣненію того, или другаго законодательства и административныхъ мѣръ; не прекращается, кромѣ того, въ народѣ постоянное столкновеніе общинныхъ и личныхъ разнаго рода интересовъ;—священнику, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ человѣку близко стоящему къ народу, весьма часто приходится быть для него истолкователемъ принципа законности,—сказать ему послѣднее слово. Возбуждается вопросъ о всеобщемъ распространеніи грамотности въ народѣ;—священникъ поднимаетъ на себя не легкое рѣшеніе и этаго вопроса: безъ готовыхъ матеріальныхъ средствъ, съ однимъ собственнымъ, скуднымъ запасомъ ихъ, онъ заво дитъ школу въ каждой деревнѣ, принимаетъ ее иногда даже въ свое тѣсное помѣщеніе и умоляетъ посѣщать ее.

Послѣ сей часъ сказаннаго, было бы, по видимому излишне приводить здѣсь еще одно обвиненіе противъ священника, но и оно такъ часто и такъ рѣзко заявляется многими, что невольно вызываетъ на особое обсужденіе. Говорятъ: „священнику нѣчего дѣлать: отслужилъ обѣдню, исполнилъ требу, что случается въ недѣлю разъ—другой, а затѣмъ онъ совершенно свободенъ.“ Прослѣдимъ, поэтому, дальнѣйшіе виды дѣятельности священника.

Прежде всего,—священникъ совершенно лишенъ свободы располагать временемъ, поличному усмотрѣнію: у него нѣтъ никакихъ промежутковъ, которые не входили бы въ предѣлы службы, часы неразграничены. Каждый часъ нетолько дня, но и ночи, онъ равно долженъ быть готовымъ къ исполненію неотложныхъ требованій своего долга, каковы: крещеніе слабыхъ младенцевъ и

напутствованіе умирающихъ. Обыкновенное требоисправленіе, какъ то: крещеніе, напутствованіе и погребеніе, совершается почти каждый день, а иногда—по нѣскольку разъ въ день. Изъ нихъ напутствованіе и погребеніе весьма часто сопровождаются самыми неблагопріятными обстоятельствами. Въ ненастную ли погоду, въ темную ночь, или мятель—все равно, священникъ одиноко пробирается куда—нибудь въ неприступную трущобу отдаленнаго хутора, или глухой улицы; промокшій до костей, по колѣно въ грязи, или охватываемый стужей, онъ мѣрными шагами идетъ къ далекому кладбищу, очевидно рискуя, въ томъ и другомъ случаѣ, безопасностью собственнаго здоровья и жизни, отъ которыхъ зависитъ судьба нѣсколькихъ душъ семейства. Въ эпидемическій періодъ, или при возможности случайнаго зараженія, для кого—нибудь другого почитается геройствомъ войти въ близкія отношенія съ больными и умирающими,—для священника подобныя отношенія—дѣло обычное, въ порядкѣ вещей.

Кромѣ требоисправленія, на обязанности, священника лежитъ совершеніе Божественной литургіи, не „одинъ разъ", однако, въ недѣлю, но каждый воскресный и праздничный день. Совершеніе ея занимаетъ болѣе трехъ часовъ; не менѣе требуется на относящіяся къ ней вечернія службы;—столько же и на домашнее молитвенное приготовленіе къ ней. Поэтому „отслужить обѣдню„—значитъ, каждый разъ, въ продолженіе почти десяти часовъ, входить въ состояніе самой напряженной сосредоточенности духа и соотвѣтственнаго ему священнодѣйствія. Не нужно забывать при этомъ, что церковныя службы и въ наши суровыя зимы совершаются обыкновенно въ холодной, а иногда и ветхой, церкви, съ

открытыми головой и руками, при невозможности и вообще одѣться сообразно температурѣ. Къ зимнему же времени относятся и церковныя службы постовыя, продолжающіяся непрерывно до двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ, кромѣ положенныхъ, общихъ чинопослѣдованій, нужно исповѣдывать и пріобщать св. таинъ весьма часто болѣе тысячи народа.

Ко всему этому если прибавить: постоянный нравственный надзоръ за прихожанами и ихъ руководство; приходскую школу; хозяйственную сторону церкви; канцелярскія занятія; вмѣстѣ съ приготовленіемъ проповѣдей, настойчивое, какъ научное, такъ и нравственное самоусовершенствованіе; неизбѣжность чорнорабочаго труда; отсутствіе всякой перспективы въ будущемъ, такъ манящей и поощряющей всякое другое служебное поприще,—то едвали возможно не согласиться, что служеніе священника есть именно высокій нравственный подвигъ, сравненіе съ которымъ могутъ выдерживать весьма не многія служебныя положенія, и предъ которымъ приведенный нами упрекъ „въ ничего недѣланіи“ оказывается болѣе, чѣмъ страннымъ.

Мы окончили свой очеркъ болѣе важныхъ и наиболѣе распространенныхъ въ обществѣ обвиненій противъ священника. Очевидно, что на подобныхъ обвиненіяхъ останавливаться нельзя; но, для болѣе близкаго къ истинѣ разрѣшенія разсматриваемаго нами вопроса, не обходимо открыть существенную причину, руководящую общественнымъ мнѣніемъ. Такая причина, кажется, не будетъ не понятна, если обратить вниманіе на задачу пастырскаго служенія, въ сопоставленіи ея съ той современною средой, въ которой она ищетъ своего осуществленія.

Какъ провозвѣстникъ Евангелія Христа Спасителя, пастырь церкви стремится насаждать въ душѣ христіанина и способствовать осуществленію въ ея внѣшней и внутренней дѣятельности такого Богооткровеннаго ученія, которое имѣетъ цѣлью нравственное усовершенствованіе человѣческой природы. Онъ обязанъ бываетъ указать границы горделивому уму, самонадѣянно полагающему въ себѣ самомъ источникъ всякаго знанія;—обличить движенія чувства, руководимаго самолюбіемъ и суетностью; наконецъ—направлять всю дѣятельность человѣка по пути непреложной, Божественной истины и добра. Съ другой стороны, въ человѣческой природѣ, подъ вліяніемъ преобладающей наклонности ея къ злу, быстро возникаютъ, развиваются и крѣпнутъ начала, противныя нравственному закону, обращаясь въ живые, непреодолимые инстинкты. Отсюда очевидно, что священникъ, затрогивая подобныя явленія, уже не зависимо отъ всякихъ другихъ причинъ, долженъ встрѣтить непріязненное сопротивленіе въ той или другой формѣ. На этомъ-то основаніи дѣятельность священника, совмѣстно съ личностью его, встрѣчали всегда разнаго рода нареканія, обвиненія, и преслѣдованія въ большей или меньшей степени, и будетъ встрѣчать ихъ всегда и конечно всегда ихъ будетъ побѣждать вѣчная истина. „Въ мірѣ скорбни будете,“ предвѣщалъ Самъ Спаситель истиннымъ послѣдователямъ своимъ, „но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.“ И отечественная исторія приводитъ достаточно и своихъ фактовъ, доказывающихъ всю тяжесть борьбы, посредствомъ которой духовный элементъ выдвигался до того положенія, которое занимаетъ теперь.

Что касается настоящаго времени, то оно представляетъ еще больше поводовъ къ сопротивленію ре-

лигіозному вліянію пастыря церкви. Многое изъ началъ враждебныхъ христіанству теперь достигло полнаго роста въ давней формѣ, многое начинаетъ или продолжаетъ быстро рости въ новомъ видоизмѣненіи. Современное религіозно-нравственное направленіе можно считать преимущественно обязаннымъ давнему и издавна болѣе и болѣе распространяющемуся скептицизму. Извѣстно, что съ возрожденіемъ наукъ въ Европѣ возникло напряженное движеніе умственной дѣятельности. Среди многоразличныхъ научныхъ изысканій, общее вниманіе было сосредоточено, между прочимъ, на опредѣленіи такого метода изслѣдованія, который бы болѣе другихъ способствовалъ къ открытію истины. Благодаря примѣненію скептицизма, научныя изслѣдованія конца прошлаго столѣтія, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, достигли блистательныхъ результатовъ. Но въ обаяніи этихъ успѣховъ опущено было изъ виду дать новооткрытому методу надлежащія границы: столь несовмѣстимыя области міросозерцанія, какъ естественное и откровенное, были отождествлены между собою, и подчинены одному и тому же способу изслѣдованія. Такъ возникло деспотическое господство скептицизма внѣ нашего отечества, незамедлившее, однако, своимъ появленіемъ и у насъ. Главнымъ проводникомъ его у насъ признается французскій энциклопедизмъ конца же прошлаго столѣтія. Брошенныя имъ сѣмена мало-помалу возрастали при благопріятныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и, благодаря преобладанію естественныхъ знаній, доставившихъ новое торжество уму и новую пищу чувственности, и у насъ, должны были принести, наконецъ, свойственные имъ плоды индифферентизма, матеріализма, нигилизма и т. п. Вотъ, по нашему крайнему разумѣнію, гдѣ кроется су-

щественное основанiе недовольства современнаго общественнаго мнѣнiя въ отношенiи Священника!

Какъ же быть? чѣмъ поправитъ общественное мнѣнiе, чѣмъ поднять въ немъ надлежащее значенiе Священника? Очевидно—ни чѣмъ другимъ, какъ ослабленiемъ, при содѣйствiи священника же, тѣхъ непрiязненыхъ началъ, которыя легли въ основу этого мнѣнiя. Подобныя средства, кажется, заключаются, кромѣ матерiальнаго, научнаго—еще въ соцiальномъ улучшенiи настоящаго положенiя священника.

Коснувшись уже отчасти здѣсь матерiальной необезпеченности и въ нѣкоторой степени научной несостоятельности священника, мы особенно распространяться объ этомъ не будемъ потому, что насущные вопросы эти, въ послѣднее время, были обсуждаемы со всѣхъ возможныхъ сторонъ, сознаны въ главнѣйшихъ своихъ требованiяхъ лучшею частiю нашего общества и ждутъ близкаго своего разрѣшенiя. Вполнѣ раздѣляемъ надежду, что съ устраненiемъ бѣдности въ духовномъ сословiи и съ улучшенiемъ образовательныхъ средствъ его—въ той или другой формѣ, но безъ нарущенiя строгорелигiознаго характера, отличающаго нынѣшнiя духовноучебныя заведенiя, несомнѣнно сдѣлаются болѣе исключительными уклоненiя отъ общаго уровня, какъ современнаго научнаго развитiя, такъ и соотвѣтственной ему пастырской дѣятельности. Духовно-учебныя заведенiя, пользуясь возможностiю привлечь и сохранить въ своей сферѣ достойныхъ дѣятелей, будутъ непрерывно совершенствовать свою програму и ея выполненiе; а священникъ вышедшiй изъ нихъ, не встрѣчая на каждомъ шагу необходимости тратить свой трудъ на изысканiе способовъ удовлетворенiя матерiальныхъ своихъ нуждъ,-огрубляющее и притуп-

ляющее высшія стремленія духа, станетъ твердою ногой на прямомъ своемъ пути. Говоря о программѣ духовно-учебныхъ заведеній, нельзя не упомянуть, что, судя по указанію опыта, было бы неизлишне дать въ ней мѣсто и популярной медицинѣ. Принесло ли какую либо пользу изученіе этой науки въ семинаріи, или нѣтъ и почему,- это особый вопросъ; но что оно необходимо,-это казалось бы, ясно само по себѣ. Доктора у насъ—малочисленны и рѣдки, живутъ только по городамъ, не для всякаго доступны и, можетъ быть, по этому самому, не пользуются авторитетомъ въ народныхъ массахъ. Поэтому тысячи заболѣвающаго и умирающаго народа остаются безо-всякаго разумнаго ухода и попеченія. Въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, при одрѣ умирающаго, священнику приходится съ болѣзнію сердца видѣть преждевременную утрату жизни, и тяжесть сопровождающихъ ее мукъ, и съ жгучею болью поздняго состраданія пожалѣть объ отсутствіи надлежащей помощи, а еще болѣе-о собственномъ безсиліи удовлетворить одному изъ лучшихъ движеній человѣческаго чувства *).

Въ видахъ подкрѣпленія соціальной дѣятельности священника было бы полезно упрочить за нимъ единство корпоративнаго дѣйствія и близость къ остальному обществу. Исходя въ главномъ изъ общихъ началъ пастырскаго долга и служа одной и той же главной цѣли, каждый священникъ, въ выборѣ способовъ дѣйствія, неизбѣжно руководствуется самостоятельнымъ взглядомъ, обусловливаемымъ мѣстными указаніями своего прихода. Но некаждый человѣкъ одинаково одаренъ отъ природы силою способностей, не каждый одинаково и развитъ; слѣд. и одинаковая цѣлесообразность дѣятельности каждаго, отдѣльнаго священника не мыслима, если она, въ

*) Вмѣсто медицины и сельскаго хозяйства вводится въ преподаваніе болѣе нужная для пастыря церкви наука «педагогика». *Ред.*

извѣстные періоды, не будетъ заручаться духомъ корпораціи, ея общими началами, видами и стремленіями. Съ другой стороны, явленія частной и общественной жизни, подлежащія пастырскому наблюденію, представляются въ каждой, отдѣльной мѣстности весьма часто въ такомъ видѣ, который безъ послѣдовательнаго раскрытія связи его съ прочими явленіями, теряетъ характеристическое значеніе и затрудняетъ правильное примѣненіе къ нему такой или другой мѣры. Раскыртіе же связи такихъ явленій, обобщеніе ихъ и опредѣленіе дѣйствующей на нихъ причины возможно подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы отдѣльныя изслѣдованія были сведены между собой; слѣд—при существованіи для общества священниковъ такого исходнаго пункта, который бы способствовалъ своду этихъ изслѣдованій. Пунктомъ для внутренняго и внѣшняго, корпоративнаго объединенія моглобы служить учрежденіе и унасъ, по примѣру нѣкоторыхъ Епархій, священническихъ съѣздовъ, собираемыхъ по призыву благочиннаго не менѣе двухъ—трехъ разъ въ годъ, не исключая и какихъ либо особенныхъ случаевъ къ нимъ. Протоколы такихъ съѣздовъ въ рукахъ Епархіальнаго начальства, представляя положеніе дѣла въ его подлинномъ свѣтѣ, дадутъ вѣрнѣйшій залогъ и несомнѣнаго успѣха общихъ мѣропріятій *).

Сближеніе священника съ обществомъ можетъ касаться частной и административной стороны общества.

Собственно говоря,—при настоящемъ положеніи дѣла, какъ общество для священника, такъ и онъ для общества въ точности неизвѣстны. Тотъ и другое, обыкновенно, гдѣ

---

*) Автору должно лыть извѣстно, что какіе священническіе, при посредствѣ благочинныхъ, съѣзды по нѣкоторымъ мѣстностямъ признаны пока неудобными. *Ред.*

и какъ встрѣчаются между собой? Священникъ нигдѣ не видитъ общества, кромѣ церкви, и случаевъ требоисправленія. Но много ли, и часто ли приходится ему видѣть его въ церкви и при требоисправленіяхъ? При томъ, если оно въ томъ и другомъ случаѣ не поторопится отдѣлаться какъ нибудь и показываетъ себя, то въ подлинномъ ли своемъ видѣ? Такимъ образомъ о той сферѣ, гдѣ общество собственно и является—какъ есть, раждается, развивается и дозрѣваетъ, священнику, въ своихъ наблюденіяхъ, остается довольствоваться сомнительными пріемами отрывочныхъ наслышекъ и заявленій прессы. Съ своей стороны общество, по тѣмъ же причинамъ, не болѣе можетъ знать о священникѣ. Отсюда-то, какъ показываетъ и опытъ, проистекаетъ наибольшая доля преградъ для пастырскаго вліянія. Въ силу этого недостатка знакомства съ обществомъ, священнику трудно избѣгнуть недоразумѣній и ошибокъ, какъ въ выборѣ очередныхъ вопросовъ данной минуты, такъ—и ихъ разрѣшенія и удержать общество отъ новыхъ поводовъ къ недовѣрію и отчужденности. По этому очевидно, что ближайшее соприкосновеніе пастырской дѣятельности съ частною жизнію общества, давая свободу непосредственному наблюденію, обезпечиваемому святостью истины и твердостью убѣжденій, открылобы для этой дѣятельности большій просторъ и большую силу.

Легко убѣдиться, что нашъ простой народъ, хотя и по весьма уважительнымъ причинамъ, но далеко еще недозрѣлъ для того, чтобы самоуправленіе его оставалось безъ непрерывнаго, ближайшаго руководства. Можно бы представить множество почти неизмѣнно повторяющихся образцовъ такихъ рѣшеній, которые несомнѣнно доказываютъ, что начавшееся пробужденіе въ на-

родномъ сознаніи самосостоятельнаго чувства законности и правды еще не скоро будетъ въ состояніи освободиться отъ вопіющихъ фактовъ самаго грубаго пристрастія. Много есть и такихъ рѣшеній, которыя, обнаруживая крайнее непониманіе дѣла, носятъ на себѣ слѣды сторонняго, неблагонамѣреннаго вмѣшательства. Правительственные представители законнаго порядка, конечно, обязаны преслѣдовать подобное зло; но, по скопленію у нихъ дѣлъ, по отдаленности мѣстопребыванія, по замкнутости народа для сторонняго контроля и по многимъ другимъ причинамъ, они лишены возможности захватить зло на той степени развитія, когда было бы болѣе удобно подавить его, а часто—не въ состояніи до него и добраться. По этому-то священникъ, какъ близко стоящій къ народу, по собственному наблюденію и заявленію заинтересованныхъ сторонъ, и является часто незримымъ двигателемъ разнаго рода вопросовъ административной жизни своего прихода; въ весьма многихъ случаяхъ, однако, онъ, при всемъ сознаніи необходимости своего участія, бываетъ выпужденъ отказаться отъ нихъ, предоставляя ихъ случайному исходу только потому, чтобы, не владѣя признаннымъ правомъ, не подвергать это свое участіе нареканію въ незаконномъ вмѣшательствѣ. Отсюда понятно, на сколько сказанному участію священника необходимо придать надлежащую полноту. Эта полнота могла бы достигаться чрезъ предоставленіе, на основаніи нынѣ же дѣйствующаго выборнаго начала, священнику, въ административномъ учрежденіи его прихода, права совѣщательнаго голоса. Имѣя на своей сторонѣ преимущества образованія, святость своего призванія, установившееся народное довѣріе, священникъ могъ бы принести на этомъ поприщѣ несомнѣнную поль-

зу; а между тѣмъ, давая осязательные факты своего труда и его очевидной благотворности, онъ усилилъ бы и свое общее пастырское значеніе.

И такъ, мы старались здѣсь показать 1, что современное общественное мнѣніе, по отношенію къ священнику, не отличается безпристрастіемъ: подмѣченные приговоры его, не выдерживая критики, даютъ понять, что они не что иное, какъ выраженіе ненормальнаго отношенія общества къ самой задачѣ пастырскаго служенія; и 2, что надежный способъ поднять это мнѣніе, въ видахъ удобнѣйшаго достиженія благотворныхъ цѣлей пастырскаго долга, это—сверхъ матеріальнаго и научнаго, соціальное улучшеніе современнаго положенія священниковъ, состоящее въ болѣе тѣсномъ объединеніи собственной ихъ корпораціи и—сближеніи съ частною и административною жизнію общества.

Свящ. Кипріанъ Петрушевскій.

20 іюня 1866 года.
м. Екатеринополь.

АКТЪ

годичнаго, общаго собранія членовъ кіевскаго св. владимірскаго, при софійскомъ соборѣ, братства, 24 августа, 1866 года.

По случаю сильнаго развитія, въ Кіевѣ, холеры около 15 іюля, общее собраніе членовъ кіевскаго св. владимірскаго братства, въ настоящемъ году отложено было до 24 августа. Въ этомъ день, по предварительномъ оповѣщеніи находящихся въ кіевѣ членомъ братства, въ софійскомъ соборѣ, въ братскомъ придѣлѣ св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, совершена была божественная литургія, по окончаніи коей попечителемъ братства высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ соборнѣ отслуженъ былъ молебенъ св. равноапостольному князю Владиміру, небесному покровителю братства, съ вознесеніемъ на эктеніяхъ и многолѣтіи именъ всѣхъ членовъ братства, и съ возглашеніемъ умершимъ: *вѣчная память*. По окончяніи молебна, въ софійскомъ домѣ и въ присутствіи высокопреосвященнаго митрополита Арсенія, прочитанъ былъ годичный отчетъ братства и произведены, на основаніи устава братства, выборы въ предсѣдателя и членовъ совѣта на слѣдующій, третій годъ, братства. И

1) Предсѣдателемъ совѣта, по единогласному выбору, произведенному баллатировкою остался, и на 3-й

годъ, учредитель братства св. Владиміра, каѳедральный протоіерей кіево-софійскаго собора Г. Н. Крамаревъ.

2) Изъ членовъ совѣта оставлены, и на слѣдующій годъ, 9-ть прежнихъ, а на мѣсто 3-хъ выбывшихъ членовъ: попечителя кіевскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, профессора кіевскаго университета Гогоцкаго и купца Савицкаго, посредствомъ баллатировки избраны: профессоръ богословія университета св. Владиміра, протоіерей Н. А. Ѳаворовъ, секретарь кіевской духовной консисторіи М. М. Хижняковъ и староста кіево-печерской воскресенской церкви, мѣщанинъ Н. К. Богунъ.

3) Казначеемъ братства и на слѣдующій годъ былъ избранъ ключарь кіево-софійскаго каѳедральнаго собора Н. Я. Оглоблинъ.

4) Дѣлопроизводителемъ избранъ Діаконъ того жъ собора С. Крижановскій.

Предложеніе отъ Археографической Коммиссіи къ лицамъ, имѣющимъ старинные рукописи и акты.

Археографическая Коммиссія, въ виду того, что нерѣдко частныя собранія рукописей и актовъ подвергаются утратамъ, имѣетъ часть обратиться ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ древними рукописями по части исторіи и путешествій и актами историческими и юридическими *до 1725 года включительно*, съ покорнѣшею просьбою, если признаютъ удобнымъ, доставлять оные въ Коммисію для разсмотрѣнія и выбора изи нихъ заслуживающихъ быть напечатанными. Акты сіи, по снятіи съ нихъ списковъ, будутъ немедленно съ благодарностію возвращаемы. Если же владѣльцы оныхъ пожелаютъ предоставить ихъ въ собственность Коммиссіи безвозмездно или же за вознагражденіе, которое будетъ ею назначено, соотвѣтственно важности и значенію рукописей и актовъ, то Коммиссія проситъ увѣдомлять ее о томъ. О всякомъ таковомъ пожертвованіи будетъ объявляемо въ изданіяхъ Коммиссіи и чрезъ Вѣдомости обѣихъ столицъ.

Прежнее небрежное обращеніе съ источниками Русской исторіи было, какъ извѣстно, причиною многихъ невознаградимыхъ для нея утратъ; такъ напримѣръ, бумаги Крешнина и матеріалы имъ собранные продавались на толкучихъ рынкахъ и многіе совсѣмъ пропали; пожаръ истребилъ библіотеку историка Татищева въ его дерев-

нѣ и вмѣстѣ съ нею много рукописей, важныхъ и любопытныхъ, которыми онъ пользовался для своего труда; та же участь постигла и нѣсколько частныхъ библіотекъ, въ 1812 году, въ Москвѣ. Только посредствомъ обнародованія древнихъ письменныхъ памятниковъ мы можемъ охранить отъ погибели заключающіяся въ нихъ разнообразныя и важныя для Русской науки свѣдѣнія, и Археографическая Коммисія надѣется встрѣтить полное сочувствіе къ своему вызову со стороны тѣхъ, которымъ дорого бытописаніе нашего отечества. Посылки съ рукописями и актами, подъ адресомъ: „*въ Археографическую Коммиссію при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.*" будутъ принимаемы на почтѣ безплатно, при чемъ эти посылки по распоряженію Почтоваго Начальства должны быть подаваемы непремѣнно открытыми.

Пчат. дозв. Кіевъ. 15 сентября 1866 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*
Въ типографіи Федорова.